

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0677-2-257-274>

<https://elibrary.ru/TQIUPA>

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

Николай Подосокорский

ЛЕГЕНДА О РОТШИЛЬДЕ КАК «НАПОЛЕОНЕ ФИНАНСОВОГО МИРА» В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Информация об авторе: Николай Николаевич Подосокорский, кандидат филологических наук, помощник ректора Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41, 173021 г. Великий Новгород, Россия; старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-6310-1579>

E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Аннотация: В статье анализируется легенда о представителях могущественной финансовой династии Ротшильдов, оказавших огромное влияние на деловую жизнь, политику и культуру Европы XIX века. Тема силы и власти денег, величия Мамоны, рассматривалась Достоевским как жесточайшая проблема его эпохи, представлявшей, по выражению писателя, «железное, деловое время, денежное время, расчётливое время, полное таблиц, цифр и нулей всевозможного рода и вида». С самых первых произведений Достоевского наполеоновская идея неизменно рассматривалась им в одной связке с идеей денежного обогащения («Господин Прохарчин», «Дядюшкин сон», «Преступление и наказание» и др.). Однако в раннем творчестве писателя имена Ротшильда и Наполеона развивались, скорее, параллельно друг другу и окончательно срослись лишь в романах «Идиот» и «Подросток».

Ключевые слова: Ротшильд, Наполеон, история, легенда, Гейне, «Идиот», «Подросток», наполеонизм.

Для цитирования: Подосокорский Н.Н. Легенда о Ротшильде как «Наполеоне финансового мира» в творчестве Ф.М. Достоевского // Роман Ф.М. Достоевского «Подросток»: современное состояние изучения / гл. ред. Т.А. Касаткина. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 257–274. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0677-2-257-274>

© 2022. *Nikolay N. Podosokorsky*

THE LEGEND OF ROTHSCHILD AS THE “NAPOLEON OF FINANCE” IN DOSTOEVSKY’S WORKS

Information about the author: Nikolay N. Podosokorsky, PhD in Philology, Adviser for the Rector and Head of the Department of new media and public relations of Novgorod National University Yaroslav Mudryi, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya 41, 173021 Veliky Novgorod, Russia; Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-6310-1579>

E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Abstract: The paper analyses the legend of the mighty financial dynasty of Rothschilds who exerted great influence on business life, politics, and culture in 19th-century Europe. Dostoevsky considered the motif of the power of money and Mammon’s greatness as one of the severest problems of his time, “a cruel time, a time of business and money, a calculating time, full of tables, numbers, and zeros of all kinds and types”. From his earliest works, Dostoevsky relates the Napoleonic idea with the idea of monetary enrichment (“Mr. Prokharchin”, “Uncle’s dream”, *Crime and Punishment*, and others). However, in his early works, the names of Rothschild and Napoleon evolved in parallel, and finally merged only in his novels *The Idiot* and *The Adolescent*.

Keywords: Rothschild, Napoleon, history, legend, Heine, *The Idiot*, *The Adolescent*, Napoleonism.

For citation: Podosokorsky, N.N. “The Legend of Rothschild as the ‘Napoleon of Finance’ in Dostoevsky’s Works.” *Dostoevsky’s Novel The Adolescent: Current State of Research*. Editor-in-Chief T.A. Kasatkina. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 257–274. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0677-2-257-274>

Чтобы понять значение ротшильдовской легенды в романе Ф.М. Достоевского «Подросток», необходимо рассмотреть ее присутствие в предыдущем творчестве писателя, и особенно в романе «Идиот», где она тесно переплетена с наполеонизмом двух героев — Гани Иволгина и Ипполита Терентьева, мечтающих, как и Аркадий Долгорукий, разбогатеть. Историко-культурное сращение «Ротшильд — Наполеон» проявлялось в творчестве Достоевского постепенно, но наиболее полное выражение нашло именно в этих двух произведениях.

Тема силы и власти денег, величия Мамоны, рассматривалась Достоевским как жесточайшая проблема XIX века, представлявшего собой,

по выражению писателя, «железное, деловое время, денежное время, расчётливое время, полное таблиц, цифр и нулей всевозможного рода и вида» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 5]. Одними из ярчайших представителей этой эпохи было семейство Ротшильдов. Основы могущества их банкирского дома были заложены франкфуртским банкиром М.А. Ротшильдом (1743–1812) и его пятью сыновьями: Амшелем, Соломоном, Натаном, Карлом и Джеймсом. Однако в массовом сознании имя Ротшильда превратилось в некий символ, напоминающий о громадном денежном состоянии с проистекающей из него властью над миром. Со временем вокруг него сложился целый миф, который нашел свое отражение во многих произведениях мировой литературы. Нас в данной статье, однако, интересует лишь один аспект этого мифа — связь его с фигурой Наполеона.

Историко-культурное сращение «Ротшильд-Наполеон» восходит, прежде всего, к наследию западноевропейских поэтов-романтиков — сочинениям Д.Г. Байрона и Г. Гейне. В поэме «Дон Жуан» (1819–1824) Байрон, к примеру, восклицал:

О, золото! Кто возбуждает прессу?
Кто властвует на бирже? Кто царит
На всех великих сеймах и конгрессах?
Кто в Англии политику вершит?
Кто создает надежды, интересы?
Кто радости и горести дарит?
Вы думаете — дух Наполеона?
Нет! Ротшильда и Беринга миллионы! [Байрон, 1981, т. 1, с. 429]

Относя далее Ротшильда к числу немногих «настоящих владык вселенной», поэт с сожалением констатировал произошедший после ухода с политической сцены Наполеона переворот в умах европейцев: вместо гения войны и политики новым властителем дум и стремлений толпы стали банальные деньги — «господин наполеондор» или «миллионы Ротшильда». Гейне, лично знакомый с «генералиссимусом всех миллионеров» [Гейне, 1956–1959, т. 8, с. 234] Джеймсом Ротшильдом, также оставил немало суждений о могуществе этой фамилии, среди которых есть и собирательное название их как «множества финансовых Бонапартов» [Гейне, 1956–1959, т. 7, с. 23].

В книге «Людвиг Бёрне» (1840) Гейне вкладывает в уста этого писателя, который, так же как и основатель фирмы «Майер Амшель Ротшильд и сыновья», был выходцем из еврейского квартала Франкфурта, следующие слова: «<...> у Ротшильдов так много денег, такая уйма денег, что они внушают нам почти устрашающее уважение; они, так сказать, отождествились с понятием денег, а деньги нельзя презирать» [Гейне, 1956–1959, т. 7, с. 27]. Позднее, в одной из статей, вошедшей в книгу «Лютеция» (1854), уже сам Гейне сформулировал «символ веры» своего времени: «Ибо деньги — бог нашего времени, а Ротшильд — пророк его!» [Гейне, 1956–1959, т. 8, с. 130].

Схожие общественные настроения выразил и философ Томас Карлейль, сравнивший Ротшильда с неким грозным полководцем, в котором легко угадать Наполеона: «Перед этим капищем всемогущего золота современный культурный европеец не может не почувствовать своеобразного трепета. Здесь всё то, что он на жаргоне нашей лживой цивилизации зовет своим счастьем, могуществом и даже кумиром, находится в неизмеримом количестве в виде груд блестящего золота и пачек банковских билетов, то захватанных жадными руками, то чистых и свежих, точно только что обмундированные солдаты, готовые ринуться в “битву мира”, разнося всюду зависть, вражду, соревнование и минуты призрачных, но жгучих наслаждений... Да, Ротшильд — и полководец, более могущественный, чем Цезарь и Александр; золотые монеты и груды банковских билетов — его армия, победоносно обходящая весь мир, все подчиняющая своей власти, всюду ненавидимая и всюду устрашающая...» (цит. по: [Соловьев, 1998, с. 401–402]).

В русской литературе имя Ротшильда также использовалось в качестве символа власти денег, пришедшей на смену культу гениев искусства и политики. Колоритная фигура Ротшильда, несомненно, интересовала А.С. Пушкина. Как отмечает Д.Д. Благой: «В 1829 г. во время поездки в Арзрум он (Пушкин — *Н.П.*) познакомился с весьма оригинальным порождением “века”, офицером В.А. Дуровым, братом знаменитой кавалерист-девицы, героини войны 1812 г. Н.А. Дуровой, который, рассказывает поэт, “помешан был на одном пункте: ему непременно хотелось иметь сто тысяч рублей”. Ради этого он пытался испробовать самые различные способы: не только безудержно предавался (явление рядовое для того времени) азартной игре (“играл с утра до ночи в карты”), но и готов был пойти на все — на кражу (похитить полковую казну), даже на убийство.

“Вы бы обратились к Ротшильду”, — шутя посоветовал ему Пушкин. “Я об этом думал”, — совсем серьезно ответил ему Дуров» [Благой, 1972, с. 377–378]. Вероятно, что образ В.А. Дурова повлиял на создание образа наполеониста Германна в «Пиковой даме», оказавшего, в свою очередь, заметное влияние на изображение наполеонизма в «Преступлении и наказании» Достоевского. Эта *idée fixe* Дурова о «ста тысячах рублей» перекликается и со сценой в романе Достоевского «Идиот», где Настасья Филипповна предлагала именно такую сумму Гане Иволгину.

Из других предшественников Достоевского можно также выделить барона Ф.Ф. Корфа с его романом «Как люди богатеют». В нем автор порицал всех тех, кто «ставит богатого купца на одну доску с Наполеоном, Ликургом, Пушкиным, Моцартом, для кого имя Ротшильда громче и славнее всех имен...» [Корф, 1847, с. 63–64] Символическая борьба «Наполеона» и «ростовщика» присутствует и в комедии А.В. Сухова-Кобылина «Свадьба Кречинского» (1854), где карточный шулер Расплюев воздаёт хвалу своему хозяину Кречинскому, обманувшему ростовщика-«жида» Никанора Савича Бека: «А Михайло Васильич ведь Наполеон? <...> Наполеон, говорю, Наполеон! великий богатырь, маг и волшебник! Вот объехал, так объехал; оболванил человека на веки вечные. ... человека?.. нет; ростовщика оболванил — и великую по себе память оставит» [Сухова-Кобылин, 1989, с. 46, 48]. Последующая победа в финале комедии ростовщика над самозванным Наполеоном-Кречинским также соответствовала духу времени.

С самых первых произведений Достоевского наполеоновская идея неизменно рассматривалась им в одной связке с идеей денежного обогащения («Господин Прохарчин», «Дядюшкин сон», «Преступление и наказание» и др.). Однако в раннем творчестве писателя имена Ротшильда и Наполеона развивались скорее параллельно друг другу и окончательно срослись лишь в романах «Идиот» и «Подросток».

Имя Ротшильда Достоевский впервые упомянул в своём творчестве в переводе на русский язык романа О. де Бальзака «Евгения Гранде»: «Заезжий парижанин скажет, бывало, слово, другое о Ротшильде или о Лафите, Сомюрцы тотчас спросят, “так же ли богаты они, как, например, Гранде?” И ежели им отвечали насмешливою улыбкою, то они покачивали головами в знак недоверчивости» [Достоевский, 1995, с. 422]. Имя успешного дельца, Феликса Гранде, сделавшего имя и состояние в наполеоновскую эпоху, стало во Франции почти нарицательным. «Такие

Гранде наводнили провинцию», — писал Ж. Тюлар [Тюлар, 1996, с. 15]. Однако это литературное имя никак не могло соперничать с мифологизированным именем реального Ротшильда.

Одним из подступов к сближению наполеоновской и ротшильдской идей стал фельетон Достоевского «Петербургские сновидения в стихах и прозе» (1861), где были изображены рядом два героя-чиновника: один из них был одержим идеей подражания Джузеппе Гарибальди и уверил себя, что «он-то и есть Гарибальди, флибустьер и нарушитель естественного порядка вещей» [Достоевский, 1972–1990, т. 19, с. 72]. Гарибальдизм в этом смысле стоит в одном ряду с наполеонизмом, хотя последний, безусловно, является гораздо более сложным и разработанным из всех подобных культурных явлений XIX столетия. Сразу за рассказом о новом «Гарибальди» следовала история о чиновнике Соловьеве, «новом Гарпагоне, умершем в самой ужасной бедности, на грудах золота» [Достоевский, 1972–1990, т. 19, с. 72]. Обозначая этого героя-скупца также как «нового Плюшкина» и как образ, «очень похожий на пушкинского Скупого рыцаря» [Достоевский, 1972–1990, т. 19, с. 72–73], автор не упомянул имени Ротшильда, но позднее в его творчестве это имя стало устойчивым обозначением стремления к денежному накопительству и финансовому могуществу. В «Униженных и оскорблённых» Алеша Валковский даже вынес своеобразный вердикт пореформенной России 1860-х годов, сказав, что «нынче самый главный князь — Ротшильд» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 238]. В наброске незавершённого замысла «Ростовщик» (1866) Ротшильд назван «золотым царем» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 321]. О богатстве Ротшильда неоднократно упоминал и Алексей Иванович, герой «Игрока» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 216, 226].

В романе «Идиот» легенда о Ротшильде как Наполеоне финансового мира связана с персонажами Ганей Иволгиным и Ипполитом Терентьевым. Однако прежде чем перейти к рассмотрению их ротшильдских черт, необходимо описать наполеоновские черты упомянутых литературных героев. Старший сын генерала Иволгина Ганя (Гаврила) носит то же имя, что и другой наполеонист — князь К. в «Дядюшкином сне», подробнее: [Подосокорский, 2011]. Впервые он описан автором следующим образом: «Это был очень красивый молодой человек, тоже лет двадцати восьми, стройный блондин, средневысокого роста, с маленькою наполеоновскою бородкой, с умным и очень красивым лицом. Только улыбка его, при всей её любезности, была что-то уж слишком тон-

ка; зубы выставлялись при этом что-то уж слишком жемчужно-ровно; взгляд, несмотря на всю веселость и видимое простодушие его, был что-то уж слишком пристален и испытующ» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 21]. Исследователи уже отмечали элементы сходства в описаниях Гани и Мышкина: последний был «молодой человек, тоже лет двадцати шести или двадцати семи, роста немного повыше среднего, очень белокур, густоволос, со впалыми щеками и с легонькою, востренькою, почти совершенно белую бородкой» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 6].

В портрете Гани Достоевский опирался на хорошо разработанную в литературе традицию (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, О. де Бальзак и др.) наделять героев-наполеонистов внешними чертами их кумира. Однако в данном случае писатель использовал внешний облик не Наполеона I, а его подражателя и продолжателя на троне Наполеона III, то есть отталкивался от того, что составляло текущую жизнь России и Европы: изображение императора Наполеона III, правившего тогда во Франции, было хорошо известно российской общественности по карикатурам, опубликованным на него, по изображениям на монетах, которые чеканились в монетных дворах Второй империи, и т. п.

Роман «Идиот» создавался в то время, когда Наполеон III считался ещё «главною силою в Европе» [Мещерский, 2003, с. 242]¹. Военный министр граф Д.А. Милютин писал в своих мемуарах о 1866 годе: «Вся Европа в то время следила с крайним недоверием за каждым словом Наполеона III; ему приписывали самые баснословные замыслы и все смуты, какие происходили где-либо в целом свете. Наш вице-канцлер (имеется в виду А.И. Горчаков — *Н.П.*) в одной своей записке ко мне в то время выразился так: “Политический горизонт мрачен и темнеет даже на Востоке. Вся беда от сфинкса, что на Сене”» [Милютин, 2005, с. 268]. Примечательно, что в подготовительных материалах к роману Достоевский также хотел выставить «сфинксом» Мышкина и Ганю [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 242, 248, 249].

Важной темой романа «Идиот», напрямую связанной с наполеонизмом Гани Иволгина, является желание самоутверждения и погоня за оригинальностью. «Самолюбивый и тщеславный до мнительности», «ребячески мечтавший иногда про себя свести концы и примирить все противополож-

¹ Князь В.П. Мещерский в данном случае повторяет или цитирует (без кавычек) известные слова историка М.П. Погодина, сказанные им в 1856 году [Уортман, 2004, т. 2, с. 44].

ности» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 90] Гаврила Ардалионович отнесён повествователем к «разряду «обыкновенных» или «ординарных» людей», хотя и к тем из них, которые «гораздо поумнее» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 385]. В какой степени в образе Гани выразилось отношение Достоевского к Наполеону III? В «Зимних заметках о летних впечатлениях» французский император был изображен писателем как выразитель интересов буржуа, «который теперь властвует неограниченно; он сила» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 95–96]. Это перерождение общественных идеалов окончательно кристаллизовалось, по мнению Достоевского, именно при Наполеоне III, последнем царствующем представителе «неслыханной династии, претендовавшей на бесконечность» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 107]. В мартовском номере «Дневника писателя» за 1876 год писатель назвал скончавшегося к тому времени Наполеона III «пройдохой и пролетарием, обещавшим всё, отдававшим всё и надувавшим всех, только чтоб достигнуть власти» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 92].

А.И. Герцен писал в «Былом и думах» о Наполеоне III следующее: «Человек этот не поэт, не пророк, не победитель, не эксцентричность, не гений, не талант, а холодный, молчаливый, угрюмый, некрасивый, расчётливый, настойчивый, прозаический господин “средних лет, ни толстый, ни худой”. Le bourgeois буржуазной Франции <...> Он уничтожает, осредотворяет в себе все резкие стороны национального характера и все стремления народа, как вершинная точка горы или пирамиды оканчивает целую гору *ничем*» [Герцен, 1956–1957, т. 11, с. 491].

Надо полагать, что наполеоновская борода Гани Иволгина должна была подчеркнуть его буржуазные идеалы, характерные для среднестатистического француза Второй империи: «Накопить фортуны и иметь как можно больше вещей — это обратилось в самый главный кодекс нравственности, в катехизм парижанина. Это и прежде было, но теперь, теперь это имеет какой-то, так сказать, священнейший вид. Прежде хоть что-нибудь признавалось, кроме денег, так что человек и без денег, но с другими качествами мог рассчитывать хоть на какое-нибудь уважение; ну, а теперь ни-ни. Теперь надо накопить денежки и завести как можно больше вещей, тогда и можно рассчитывать хоть на какое-то уважение. И не только на уважение других, но даже на самоуважение нельзя иначе рассчитывать» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 76].

Другой герой Достоевского, Ипполит Терентьев, страдающий чахоткой и доживающий последние недели своей жизни, сам рассказал о том,

как его сравнили с Наполеоном. В «Моём необходимом объяснении», которое он зачитал на даче у Лебедева в день рождения князя Мышкина, содержится его воспоминание о встрече с товарищем по гимназии «аристократом» Бахмутовым — между ними произошел такой обмен фразами:

«— От вашего дяди тут так много зависит, и притом мы, Бахмутов, всегда были врагами, а так как вы человек благородный, то я подумал, что вы врагу не откажете, — прибавил я с иронией.

— Как Наполеон обратился к Англии! — вскричал он, захохотав. — Сделаю, сделаю!» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 334]

Весёлый смех Бахмутова, сравнившего в шутку Ипполита с Наполеоном, мог быть вызван каким-то воспоминанием об особом, неизвестном нам, давнем отношении гимназиста Ипполита к французскому императору. Об интересе его к французской истории косвенно свидетельствует лишь вынесенный им в качестве эпиграфа к своему «Объяснению» афоризм фаворитки Людовика XV маркизы де Помпадур «Après moi le déluge!»² [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 320–321], который позднее Достоевский назовет «девизом настоящего делового человека нашего времени» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 91].

Раздражительный Ипполит, отворачивающийся от «навязчивых» друзей, мог также в своё время услышать и нечто вроде «прохарчинского» вопроса: «<...> для вас свет, что ли, сделан? Наполеон вы что, ли какой?» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 257]. Наполеонизм героя-гимназиста Достоевский, кстати, изобразил позднее в романе «Братья Карамазовы» [Подосокорский, 2007, с. 107–112], где Коля Красоткин, упоминал имя Наполеона в разговоре с Алёшей Карамазовым: «Les femmes tricotent³, как сказал Наполеон, — усмехнулся почему-то Коля, — и по крайней мере в этом я совершенно разделяю убеждение этого псевдовеликого человека. Я тоже, например, считаю, что бежать в Америку из отечества — низость, хуже низости — глупость. Зачем в Америку, когда и у нас можно много принести пользы для человечества?» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 501]. В комментариях к академическому Полному собранию сочинений Ф.М. Достоевского слова Коли о бегстве в Америку никак не связаны с Наполеоном, однако, о плане Наполеона «бежать в Америку из отечества» говорится в комментарии к словам Бахмутова:

² «После меня хоть потоп» (франц.)

³ Дело женщины — вязанье (франц.).

«После поражения при Ватерлоо и вторичного отречения от престола Наполеон в 1815 году собирался бежать в Америку, но вследствие блокады английской эскадрой порта Рошфор был вынужден вступить в переговоры со своими врагами — англичанами — и был отправлен на остров Святой Елены» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 450]. Необходимо признать, что в обоих случаях содержится намёк на обращение молодых людей (при всей несхожести их характеров) к судьбе Наполеона «после Ватерлоо», причем к недолгому периоду его свободы, когда он был поставлен перед выбором: бежать тайком из отечества или предаться в руки своих врагов.

Уже во время первого посещения Ипполитом в компании друзей дачи Лебедева «погибающий Наполеон» сделал несколько важных признаний, которые позволяют лучше проникнуть в то, что может скрываться за неожиданным сравнением Ипполита с Наполеоном и последовавшим за этим весёлым смехом Бахмутова. Так, Ипполит признался Лизавете Прокофьевне: «Я хотел быть деятелем, я имел право... О, как я много хотел! <...> пусть, пусть без меня ищут истины! ... Я хотел жить для счастья всех людей, для открытия и возвещения истины <...> Я смотрел в окно на Мейерову стену и думал только четверть часа говорить и всех, всех убедить <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 247]. Включившийся в разговор Евгений Павлович Радомский подвёл рассуждения о «право имеющем» Ипполите к тому же выводу, к которому ранее у Достоевского пришел изучивший наполеоновскую теорию Раскольникова следователь Порфирий Петрович:

«— Да почти ничего дальше, — продолжал Евгений Павлович, — я только хотел заметить, что от этого дело может прямо перескочить на право силы, то есть на право единичного кулака и личного захотения, как, впрочем, и очень часто кончалось на свете. Остановился же Прудон на праве силы. В американскую войну многие самые передовые либералы объявили себя в пользу плантаторов, в том смысле, что негры суть негры, ниже белого племени, а стало быть, право силы за белыми...

— Ну?

— То есть, стало быть, вы не отрицаете права силы?

— Дальше?

— Вы таки консеквентны; я хотел только заметить, что от права силы до права тигров и крокодилов и даже до Данилова и Горского недалеко» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 245].

Раскольников (в образе которого Достоевским был предугадан тип студента А.М. Данилова, убийцы ростовщика и его служанки, — о нем то и вспомнил Радомский), полагал, что всё историческое развитие основано лишь на грубой силе, сметающей со своего пути все препятствия ради достижения поставленной цели: «И я теперь знаю <...>, что кто крепок и силен умом и духом, тот над ними и властелин! Кто много посмеет, тот у них и прав. Кто на большее может плюнуть, тот у них и законодатель, а кто больше всех может посметь, тот и всех правее! Так доселе велось и так всегда будет!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 321]. Раскольников и Ипполит, мечтающие в душе спасти человечество и возвестить ему некую истину, останавливаются на праве восторжествования «силы единичного кулака и личного захотения», опираясь на авторитет Наполеона, который с характерной для гениев откровенностью однажды признался австрийскому дипломату Клеменсу фон Меттерниху, что человек, подобный ему, «мало волнуется из-за жизни миллионов людей» [Чандлер, 2000, с. 113].

Возможно, что Радомский под словами «как, впрочем, и очень часто кончалось на свете» также имел в виду жизнь Наполеона Бонапарта. По крайней мере, именно о таком произволе в действиях исторических Наполеонов говорил сам Достоевский А.П. Сусловой в 1863 году: «Ну вот, представь себе, такая девочка с стариком, и вдруг какой-нибудь Наполеон говорит: “Истребить весь город”. **Всегда так было на свете**»⁴ [Сулова, 1991, с. 60]. Показательно и то, что упоминаемая Радомским в качестве примера подобного произвола «американская война» ранее уже ставилась героями Достоевского в один ряд с наполеоновскими войнами: «Да оглянитесь кругом: кровь рекою льется, да еще развеселым таким образом, точно шампанское. Вот вам всё наше девятнадцатое столетие, в котором жил и Бокль. Вот вам Наполеон — и великий, и теперешний. Вот вам Северная Америка — вековечный союз» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 112], — восклицал герой «Записок из подполья».

Имя Ротшильда в романе «Идиот» впервые звучит в «Моём необходимом объяснении» Ипполита, который, вспоминая о том, как его сравнили с Наполеоном, приводит и другой рассказ о кротком бедняке Сурикове, по отношению к которому раздражается безжалостным обличением: «<...> плачется! О, никакой, никакой во мне не было жалости к

⁴ Здесь и далее выделение жирным шрифтом принадлежит мне, а обычным курсивом – цитируемым авторам.

этим дуракам, ни теперь, ни прежде, — я с гордостью это говорю! Зачем же он сам не Ротшильд? Кто виноват, что у него нет миллионов, как у Ротшильда, что у него нет горы золотых импералов и **наполеондоров**, такой горы, такой точно высокой горы, как на масленице под балаганам! Коли он живет, стало быть, всё в его власти!» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 326–327]. В этой гневной тираде Ипполита Ротшильд прямо назван обладателем «горы золотых импералов и наполеондоров», что придаёт ему статус «Наполеона финансового мира».

Важно отметить, что в отличие от упоминания наполеондора как монеты-символа, в раннем рассказе Достоевского «Господин Прохарчин», см.: [Подосокорский, 2008], наполеондоры, упоминаемые в романе «Идиот», несут на себе, по всей вероятности, изображение не Наполеона I, но Наполеона III. Достоевский, рассматривая в «Зимних заметках о летних впечатлениях», тип «Гюстава», по которому «всегда можно проверить всё то, что в данную минуту «брибри» [буржуа] считает идеалом неизъяснимого благородства» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 96] и который кристаллизовался именно в правление Наполеона III, — отметил, что тот (Гюстав) вполне способен явиться как «законный сын Ротшильда» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 97]. Ганя Иволгин, имеющий наполеоновскую бородку, изображение которой было неизменным атрибутом портрета императора на монетах Второй империи, лишь подтверждает мысль «Зимних заметок». Так, Ганя «сердился, например, и на то, что Птицын не загадывает быть Ротшильдом и не ставит себе этой цели. “Коли уж ростовщик, так уж иди до конца, жми людей, чекань из них деньги, стань характером, стань королем иудейским!”» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 387].

Выражение «король иудейский» Ганя употребил еще раньше в разговоре с князем Мышкиным, которому признался в своем сильнейшем желании побыстрее разбогатеть: «Вот эту-то я всю гимнастику и перескачу и прямо с капитала начну; чрез пятнадцать лет скажут: “Вот Иволгин, король Иудейский”. Вы мне говорите, что я человек не оригинальный. <...> Это, батюшка, меня давно уже бесит, и я денег хочу. Нажив деньги, знайте, — я буду человек в высшей степени оригинальный. Деньги тем всего подлее и ненавистнее, что они даже таланты дают. И будут давать до скончания мира» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 105].

Ганя Иволгин здесь явно говорит о том, что могущество денег сродни божественному могуществу. Формулировка «король иудейский»,

к которой обращается Ганя, восходит к евангельскому тексту, где «царем Иудейским» был назван Иисус Христос. О смысле этого именованья Его спрашивал Понтий Пилат: «Ты Царь Иудейский?» (Ин 18:33), на что получил ответ: «Царство Мое не от мира сего <...>» (Ин 18:36). Такое же прозвище, но уже по отношению к Ротшильду, впервые употребил Гейне в книге «К истории религии и философии в Германии» (1834) [Гейне, 1956–1959, т. 6, с. 86]. Перевод этой книги публиковался в журнале братьев Достоевских «Эпоха» (1864, № 1–3). Как отмечает Б.Н. Тихомиров, «место, в котором у Гейне проведена параллель между Христом — Царем Иудейским, перед которым в последующие за Его пришествием века вынужден был преклониться языческий Рим, и Ротшильдом — новым царем иудейским, перед которым преклонился уже Рим христианский, — было изъято из журнальной публикации по требованию цензуры. Достоевский об этом, конечно же, помнил. Помнил он также и о том, что вслед за Гейне “царем иудейским” именовал Ротшильда А.И. Герцен в “Былом и думах”, книге, также в России находившейся под запретом» [Тихомиров, 2006, с. 44]⁵: «Царь иудейский (т. е. Джеймс Ротшильд — Н.П.) сидел спокойно за своим столом, смотрел бумаги, писал что-то на них, верно, все миллионы или по крайней мере сотни тысяч» [Герцен, 1956–1957, т. 10, с. 138].

Герцен в описании Джеймса Ротшильда отметил в его характере и черты наполеонизма, отразившиеся в финансовой деятельности банкира. Повествуя об итоге своей борьбы за родительское наследство с российским императором Николаем I, не желающим удовлетворить его прошения, но уступившим под напором Ротшильда, Герцен заметил: «С тех пор мы были с Ротшильдом в наилучших отношениях; он любил во мне поле сражения, на котором он побил Николая, я был для него нечто вроде Маренго или Аустерлица <...>» [Герцен, 1956–1957, т. 10, с. 140].

Именование барона Джеймса Ротшильда «царем Иудейским» (Гейне, Герцен) высвечивает в его фигуре мотив самозванства и, безусловно, противопоставляет его образу Христа. Еще Людвиг Бёрне у Гейне срав-

⁵ По мнению Б.Н. Тихомирова, замена в тексте романа «Идиот» общеизвестного выражения «царь иудейский» на «король иудейский» имеет «очевидный цензурный характер», поскольку в черновиках к «Идиоту» неоднократно употребляется первый, естественный вариант (9; 183, 212, 214 и др. — Всего 9 случаев), в то время как романная формулировка «король иудейский» не встречается в подготовительных материалах ни разу [Тихомиров, 2006, с. 42].

нивал его не только с «финансовым Бонапартом», но и называл «Нероном финансового мира» [Гейне, 1956-1959, т. 7, с. 25]. Причём сравнение Ротшильда с Мессией не являлось специфически литературным явлением. Ф. Мортон в своей книге о Ротшильдах упоминает о гибели одного реального самозваного «мессии»: «В последний день мая 1838 года состоялось роковое сражение в Боссенденском лесу, в непосредственной близости от деревни Дюнкерк. 45-й полк вступил на тропу войны, и в пылу сражения погиб Джон Николс Томс, командир полка, который стал всем поперек горла своими мессианскими тирадами. Его почитали за царя Иерусалимского, принца Аравийского, короля цыган и герцога Мозеса Ротшильда. Его последнее прозвище кажется особенно любопытным. Имя Ротшильдов стало известно буквально во всем мире за два десятилетия, прошедшие со времен Наполеоновских войн» [Мортон, 2004, с. 64].

Сам Достоевский в «Дневнике писателя» за 1877 год писал: «Разве покойный парижский Джемс Ротшильд был дурной человек? Мы говорим о целом и об идее его, мы говорим о *жидовстве* и об *идее жидовской*, охватывающей весь мир, вместо “неудавшегося” христианства...» [Достоевский, 1972–1990, т. 25, с. 85]. Как полагает Б.Н. Тихомиров: «Высокая и трагическая евангельская формула “Царь иудейский”, примененная к Ротшильду или к его тени в романе — Гане Иволгину, у Достоевского маркировала противоположное, враждебное христианству движение в духовной жизни человечества, приобретала антитетическое значение: лжехристос, антихрист. Контекст черновых набросков эту семантику всемерно усиливал. См.: “На будущее — расчет: буду банкиром, царем иудейским и буду всех держать под ногами в цепях. «Или властвовать тирански, или умереть за всех на кресте — вот что только и можно, по— моему, по моей натуре <...>» (9; 180)» [Тихомиров, 2006, с. 44].

Миф о Ротшильде как «иудейском короле», замещая собой привычные для массового сознания представления о власти и славе, которые длительное время связывались с наполеоновским мифом, несомненно, занимает и место первого в его оппозиции христианству. В ротшильдовском мифе образ Наполеона заметно мельчает и предстает как окончательно побежденный и растоптанный безмерным могуществом денег: «кесарево» вытесняет и уничтожает сам образ Кесаря. Еще П.-Ж. Беранже в песне «Придворный поэт» сетовал по поводу того, что власть денег уничтожила обаяние славы Наполеона:

Тому, кого народ прославил,
Сегодня не велик почет —
В наследство славу он оставил,
А слава — это не банкнот <...> [Беранже, 1979, с. 224].

Заметим, что для литературного противопоставления Ротшильда и Наполеона имелись и некоторые исторические основания. Известно, что Ротшильды постоянно ссужали деньгами правительства стран-участниц антинаполеоновских коалиций, а глава лондонского банка «Натан Майер Ротшильд и сыновья» значительно приумножил свое состояние путем умелых спекуляций на лондонской бирже, манипулируя общественными страхами на фоне ожидаемых известий с поля битвы при Ватерлоо [Соловьев, 1998, с. 421–423]. Не случайно, что в «Моем необходимом объяснении» Ипполита обращение к ситуации поверженного Наполеона «после Ватерлоо» перемежается с призывом «стать Ротшильдом». Ротшильд, как частное лицо, успешнее других использовал военно-политическое поражение Наполеона для извлечения личной выгоды. Свою знаменитую операцию на бирже он сам, шутя, называл своей победой при Ватерлоо (см.: [Соловьев, 1998, с. 423]).

Такие примеры из истории семьи Ротшильдов были общеизвестны, и подобный рассказ, относящийся к брату Натана Джеймсу, приводил, в частности, главный герой романа «Подросток»: «Слушайте, — пробормотал я совершенно неудержимо, но дружески и ужасно любя его, — слушайте: когда Джемс Ротшильд, покойник, парижский, вот что тысячу семьсот миллионов франков оставил (он кивнул головой), еще в молодости, когда случайно узнал, за несколько часов раньше всех, об убийстве герцога Беррийского, то тотчас поскорее дал знать кому следует и одной только этой штукой, в один миг, нажил несколько миллионов, — вот как люди делают!» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 39].

В «Подростке», написанном уже после падения империи Наполеона III, Аркадий Долгорукий, излагая свою *ротшильдовскую идею*, выразил окончательную победу Ротшильдов над Наполеонами: «Мне нравилось ужасно представлять себе существо, именно бесталанное и серединное, стоящее перед миром и говорящее ему с улыбкой: вы Галилеи и Коперники, Карлы Великие и Наполеоны, вы Пушкины и Шекспиры, вы фельдмаршалы и гофмаршалы, а вот я — бездарность и незаконность, и все-таки выше вас, потому что вы сами этому подчинились» [Достоевский, 1972–1990, т. 13,

с. 76–77]. Главный герой «Подростка», создавая собственный ряд великих личностей, в отличие от Раскольникова, преклоняется уже не перед Наполеоном, а перед новым властелином вселенной — Ротшильдом, который смог затмить в его сознании всю мощь и обаяние наполеоновского мифа (обращения к имени Наполеона встречаются неоднократно и в черновиках к роману, и в окончательном тексте).

Достоевский в своих художественных произведениях употреблял имя Ротшильда именно в таком мифо-символическом ключе. Причем все Ротшильды, вся могущественная семья предстают для его героев как образ одного всесильного надличностного Ротшильда, мифологического героя. «Ротшильд остается один» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 66] — заявляет Аркадий Долгорукий. Эта мифо-символическая условность, тем не менее, надстраивается в творчестве писателя над реальной историей династии финансовых магнатов и ее конкретным отражением в мировой литературе, отталкиваясь от них и подпитываясь ими. Достоевский наиболее глубоко и убедительно раскрыл в русской литературе специфику ротшильдовского мифа в массовом сознании людей XIX столетия, поместив при этом образ Ротшильда в один ряд с другими героями человечества.

Список литературы

Байрон, 1981 — *Байрон Д.Г.* Собр. соч.: в 4 т. / сост., вступ. стат. и общ. ред. Р.Ф. Усмановой. М.: Правда, 1981.

Беранже, 1979 — *Беранже П.-Ж.* Избранное. М.: Правда, 1979. 592 с.

Благой, 1972 — *Благой Д.Д.* Достоевский и Пушкин // Достоевский — художник и мыслитель. Сб. статей. М.: Худож. лит-ра, 1972. С. 344–426.

Гейне, 1956–1959 — *Гейне Г.* Собр. соч.: в 10 т. / под общ. ред. Н.Я. Берковского, В.М. Жирмунского, Я.М. Металлова. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956–1959.

Герцен, 1956–1957 — *Герцен А.И.* Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956–1957. Т. 8–11.

Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Достоевский, 1995 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 15 т. Канонические тексты / под ред. проф. В.Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во

Петрозаводского государственного университета, 1995 (издание продолжается). Т. 1.

Корф, 1847 — *Корф Ф.Ф.* Как люди богатеют // Современник. 1847. № 8, № 9. С. 195–297, С. 31–152. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/Современник/1847> (дата обращения: 08.02.2020)

Лотман, 1997 — *Лотман Г.Р.* Ротшильды — короли банкиров / пер. с англ. А.Н. Гордиенко. Мн.: Интер-Дайджест; Смоленск: Эхо, 1997. 352 с.

Мещерский, 2003 — *Мещерский В.П.* Мои воспоминания. 2-е изд. М.: Захаров, 2003. 864 с.

Милютин, 2005 — *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865–1867 / под ред. Л.Г. Захаровой. М.: Росспэн, 2005. 696 с.

Мортон, 2004 — *Мортон Ф.* Ротшильды. История династии могущественных финансистов / пер. с англ. О.В. Замятиной, Я.А. Лева. М.: Центрполиграф, 2004. 303 с.

Подосокорский, 2007 — *Подосокорский Н.Н.* Картина наполеоновского мифа в романе «Братья Карамазовы» // Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / под ред. Т.А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 98–114.

Подосокорский, 2008 — *Подосокорский Н.Н.* Наполеоновская тема в «Господине Прохарчине» // Достоевский и современность. Материалы XXII Международных Старорусских чтений 2007 года. Великий Новгород, 2008. С. 176–185.

Подосокорский, 2011 — *Подосокорский Н.Н.* Наполеоновские войны в «Дядюшкином сне» Ф.М. Достоевского // Вопросы литературы, 2011. № 6. С. 350–362.

Пушкин, 1977–1979 — *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. / текст проверен и примеч. сост. Б.В. Томашевским. Л.: Наука, 1977–1979.

Соловьев, 1998 — *Соловьев Е.* Ротшильды. Их жизнь и капиталистическая деятельность // Адам Смит. Беккариа и Бентам. Джон Милль. Прудон. Ротшильды: Биограф. повествования / сост., общ. ред. Н.Ф. Болдырева; Послел. А.Ф. Арендаря. Челябинск: Урал LTD, 1998. С. 391–481.

Суслова, 1991 — *Суслова А.П.* Годы близости с Достоевским: Дневник. Повесть. Письма / вступ. ст. и прим. А. Долинина. Репринт. изд. М.: РУС-СЛИТ, 1991. 192 с.

Сухово-Кобылин, 1989 — *Сухово-Кобылин А.В.* Картины прошедшего / изд. подготовили Е.С. Калмановский и В.М. Селезнев. Л.: Наука, 1989. 359 с.

Теккерей, 1974–1980 — *Теккерей У.* Собр. соч.: в 12 т. / пер. с англ., под общ. ред. Л. Аникста, М. Лорие, М. Урнова. М.: Худож. лит-ра, 1974–1980.

Тихомиров, 2006 — *Тихомиров Б.Н.* Религиозные аспекты творчества Ф.М. Достоевского. Проблемы интерпретации, комментирования, текстологии: Автореферат дис. ... докт. филолог. наук. Петрозаводск, 2006. 50 с.

Тюлар, 1996 — *Тюлар Ж.* Наполеон, или Миф о «спасителе» / пер. с фр. А.П. Бондарева; вступ. ст. А.П. Левандовского. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1996. 382 с.

Уортман, 2004 — *Уортман Р.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. / пер. с англ. С.В. Житомирской и И.А. Пильщикова. М.: ОГИ, 2004.

Фергюсон, 2019 — *Фергюсон Н.* Дом Ротшильдов. Пророки денег. 1798–1848. М.: Центрполиграф, 2019. 670 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=642300&p=1> (дата обращения: 08.02.2020)

Чандлер, 2000 — *Чандлер Д.* Военные кампании Наполеона. М.: Центрполиграф, 2000. 693 с.